III 1981

5 8 6

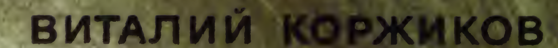
ТУ-19-241-77

5

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—548

Гнедок и Серый

ХУДОЖНИК Б. ГУЩИН

Уже три дня по дотам, по бетонным укреплениям фашистов била наша артиллерия. И два полковых коня, Гнедок и Серый, без отдыха возили на батарею зелёную повозку со снарядами.

Мимо них по лесной дороге мчались танки, рядом грохотали взрывы. Но кони смело тянули повозку вперёд. За два фронтовых года они привыкли и к лязганью гусениц, и к рёву самолётов.

Гнедок был моложе и мог ещё испугаться, но Серый, старый военный конь, сдерживал товарища и выравнивал шаг. Если повозка сползала в снарядную воронку со стороны Гнедка, сильней налегал на упряжку Серый. Если она заваливалась у Серого, изо всех сил помогал Гнедок.

Теперь они неслись что было сил. Ездовой что-то кричал, размахивал кнутом. Но кони знали, что кричит он не со зла и, как только они привезут снаряды, парнишка отведёт их в сторонку, достанет из кармана кусок жмыха и будет кормить прямо с ладони.

Упряжка вылетела на поляну, и кони повернули к орудиям. Но с вражеской стороны ухнуло, ударил снаряд, и ездовой, выпустив вожжи, опрокинулся на ящики.

Гнедка что-то клюнуло в голову. Он заржал, вскинулся на дыбы. Но Серый удержался на месте. Впереди ударили пулемёты, понеслось «ура». Но ни поля, ни людей Гнедок не видел.

Наступила какая-то странная ночь. Голоса и звуки вокруг были дневные, а тьма ночная. Молодой конь повернулся к Серому, но не увидел и Серого, а только почувствовал, как тот прикасается к нему и тихо водит у самого уха мягкими добрыми губами.

Потом пушки смолкли. Артиллеристы положили ездового на шинель под берёзу. А пожилой солдат с обмотанной бинтами рукой повёл Гнедка и Серого. Гнедок ничего не видел.

Полковой ветеринар вытащил пинцетом из головы Гнедка чёрный кусочек металла и сказал: «Осколок-то ерунда, а конь попорчен! Ослепнет!»

Он обмыл Гнедку рану лекарством, заклеил пластырем и потрепал мягкие ноздри коня: «Отвоевался, брат! Демобилизуем».

И тут же похлопал по спине Серого: «И тебя тоже отправим в тыл. Вместе. Седеешь уже. Да и худо тебе, старику, будет без товарища».

Коней отвели в небольшой городок к зданию исхлёстанной осколками станции, погрузили с другими конями в товарный вагон и отправили на восток.

Поезд медленно отсчитывал шпалы. Гнедок и Серый опять стояли рядом. Серый косил глазом в маленькое окошечко на быстро летящие облака, а Гнедок вдыхал знакомые запахи.

Сначала в воздухе пахло порохом и гарью. Но скоро в вагон понеслись другие запахи — сладкие, свежие, от зелёных берёз, весенних цветов.

И Гнедку показалось, что вместе с этими запахами вокруг него появляется свет. Словно сквозь туман он различил окошечко в стенке вагона, а совсем рядом ухо Серого. Гнедок коснулся его губами и тихо, радостно заржал.

На стоянке Гнедок увидел солдата, который широко распахнул дверь и ввалил в кормушку охапку пахучей молодой травы. А за спиной солдата ослепительно и тепло засветился весёлый круг. Солнце!

Поезд шёл по большим мостам через реки, поднимался в горы, запыхавшись, тяжело дышал, как усталый конь. И когда он трубил «гу-гу!», с гор со всех сторон, словно множество коней, ему отвечало эхо: «Гу-гу, гу-гу, гу-гу!»

Скоро поезд остановился. Коней начали выводить из вагонов. Гнедок и Серый сошли бок о бок по сходням и вместе с другими конями направились к совхозу, который находился рядом с лесом.

Пошадей остановили на лугу возле конюшни, и конюх с ветеринаром стали осматривать их и отбирать для разных работ.

Вдруг конюх остановился. Перед ним ходили два коня. Один гнедой, другой серый. Шли они удивительно ровно. Конюх усмехнулся: «А хороши коньки!» — «Ладно идут, военные», — откликнулся ветеринар. И конюх крикнул: «Миша, дай-ка сбрую!»

Курчавый мальчишка с вожжами и хомутом подошёл к коням, по-хозяйски прикрикнул и хотел было поставить их по-своему у телеги, но кони сами поменялись местами: Гнедок привычно встал справа, Серый—слева.

Миша прыгнул в телегу, щёлкнул вожжами и повернул коней к лесу. Гнедок совсем ожил. Его радовали и поляны в солнечных пятнах, и таёжные пионы, и голубые лужицы от недавнего дождя...

Скоро лес переменился, и пошёл один голый сушняк. Миша высмотрел место, где было много сухостоя, остановил коней и стал накладывать хворост.

Он набросал уже полную телегу. Но увидел ещё длинную сухую лесину—«пригодится!»—и потянул её. Стоявшая рядом сосенка подломилась, сухо треснула, как маленький снаряд, и рухнула на телегу.

Гнедка подбросило. Он дёрнулся, рванулся на дыбы и захрапел. В глазах у него вспыхнуло.

—«Ну, глупый!—кинулся к нему Миша.—Чего испугался! Было бы чего».—Он поймал Гнедка за узду, погладил и потянул за собой.

Конь было заупрямился, но тут же притих, поближе придвинулся к Серому и понуро пошёл рядом с ним, по-ночному угадывая дорогу.

Когда солнце закатилось за верхушки леса, Миша вернулся домой. Он распряг коней и пустил с другими пастись на луг у реки.

Гнедок часто наклонялся, поворачивал к земле голову, но травы не находил—перед глазами у него опять было темно. Серый быстро отыскивал уголок позеленей и тихим ржанием подзывал друга к себе.

— «Вот это кони!» — любовался Миша и думал, как бы он на таких конях летал по всему фронту. Потом он разделил между друзьями припасённую с ужина горбушку

и повёл их к загону. Но у калитки они смешались, другие кони протиснулись между Серым и Гнедком. Серый прошёл в загон.

Гнедок торопился за ним, но налетел на длинную толстую жердь и остановился.

—«Что это с ним?—подбежал с вожжами конюх.—Спятил, что ли?»—А ветеринар посмотрел на шрам Гнедка на лбу и сказал: «Ослеп! Всё-таки ослеп!»

—«Да он меня весь день слушал!—крикнул Миша.—Глядите!»— Он сдёрнул рубаху и взмахнул ею над головой Гнедка. Но конь не пошевелился.

—«Вот тебе и всё!»—спустил вожжи конюх.—«Что всё?»—повернулся Миша.—«Всё—значит и есть всё...—отходя от Гнедка, сказал конюх.—Держать слепого коня я не могу».

Утром, только поднялось солнце, Миша помчался к загону. Навстречу ему конюх уже выводил Гнедка.—«Повели?—с отчаянием спросил Миша.— На бойню?»— «Повёл»,— грустно кивнул конюх и потянул Гнедка за собой.

Гнедок оглянулся, высоко поднял голову, и в утренней тишине раздалось его печальное одинокое ржание, как будто конь знал, что уже настало время прощаться с другом.

У Миши перехватило дыхание. Но тут внезапно распахнулась калитка загона, раздалось прерывистое ржание, и по дороге в галопе застучали копыта. К Гнедку что есть силы летел Серый.

Вот он догнал Гнедка, вот сделал последний скачок. Конюх отпрянул в сторону, а старый конь, тяжело дыша, потянулся к Гнедку. Толкнул его головой,

и оба коня, прижавшись друг к другу, пошли дальше по дороге.

Миша кинулся к конюху, следом за ним заторопился ветеринар.—«Не трогайте их!—крикнул Миша.—Не дам!»

Конюх и сам остановился, не зная, что делать. Он много повидал на своём веку лошадей: и работяг, и лодырей, и одиночек, и дружных в работе,—но таких ему видеть не приходилось.—«Так что же делать?»—спросил он, разводя руками.—«А если попробовать в упряжи?»—сказал ветеринар.

—«Конечно, в упряжи!»—крикнул Миша. Не дожидаясь ответа, он повёл коней к телеге. Они снова стали у дышла так, как стояли у своей фронтовой повозки: Гнедок справа, а Серый слева.—«А ведь пойдут!—сказал конюх.—Пойдут!»

Собирались за лесом облака. Погромыхивал гром. Где-то неподалёку стучал гусеницами трактор. Серый вёл друга, обходя рытвины и камни. Гнедок пристраивался к нему и покачивал головой. И казалось ему, что это добрый солдат-возница ведёт их по старой фронтовой дороге.

КОНЕЦ

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор В. Иванов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1976 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7
Цветной 0-30
Д-080-76

